

Введение

Несмотря на отсутствие окончательного набора критериев, которые позволили бы отнести то или иное государство к категории социальных, большинство авторов считают, что социальное государство начало формироваться в Европе на определенном историческом этапе ее эволюции, когда возникли соответствующие политические и социально-экономические условия. Однако нет разделяемой всеми типологии социальных государств¹, хотя трактовок социального государства существует великое множество. В отечественной литературе, помимо экономических, политических, правовых и иных дисциплинарных трактовок, к настоящему времени сформировались как минимум четыре междисциплинарных подхода к анализу социального государства: а) **атрибутивный** (в рамках которого социальное государство определяется через выявление и перечисление его социальных характеристик) б) **ценностно-нормативный** (в пределах которого социальное государство понимается как государство, основанное на принципах социальной справедливости, равенства и общественной солидарности), в) **системно-функциональный подход** (интерпретирующий эволюцию государства в социальное как формирование (и развитие) системы его социальных функций, увеличение их числа и значимости)² и г) **идеально-типический подход**, представляющий собой выделение из имеющихся теоретических представлений о государстве наиболее характерных («типических»)

¹ В силу того, что разные авторы берут для классификации различные основания, в научной литературе представлены различные типологии социальных государств: экономические (В. Бодюль, Н. Н. Гриценко, L. Bryson), политические (С. И. Алексеев, В. П. Милецкий, В. А. Торлопов), правовые (А. В. Корнев, Ж. Х. Македонская, Г. А. Николаев), исторические (Р. Дарендорф, E. Huber), плюралистические (Е. А. Воротилин, В. Е. Можаяев) и др. «Особенностью всех классификаций социальных государств, — отмечает в этой связи С. В. Калашников, — является то, что, будучи внутренне непротиворечивыми, они не конгруэнтны друг другу и не сопоставимы. Объективная типологизация социальных государств требует не просто сочетания различных ракурсов их изучения, но и систематизации различных свойств, выделение системообразующих факторов природы социальной государственности». *Калашников С. В. Очерки теории социального государства. М.: Экономика, 2006. С. 4.*

² *Калашников С. В. Очерки теории социального государства. М.: Экономика, 2006. 262 с.*

с точки зрения адептов этого подхода, черт социального государства, совокупность которых позволяет сконструировать его «идеальный тип»³.

Гипотеза нашего исследования состоит в предположении, согласно которому историческая трансформация европейских государств в новое и новейшее время связана с процессом их поэтапной «социализации» и «гуманизации», в результате которых лишь к началу XXI века государственность некоторых стран, *по мере движения последних к полноте прав человека и гражданина*, обретает достаточно развитую социально-защитную функцию, которая воплощается в «государстве всеобщего благосостояния». В полном смысле, идея «социального государства» представляет собой *реалистическую «утопию»* или «идеал», который до сих пор нигде не достигнут.

Почему **идея** «социального государства» как института, обязующего самого себя решать проблемы социального, прежде всего экономического, неравенства правовыми средствами, появляется только в середине XIX столетия? В этот период, продлившийся до Второй мировой войны, «сущностной характеристикой» государства (независимо от формы правления (монархической или республиканской) или политического режима (демократического, авторитарного и др.)) было «регулирование социальных отношений» и снятие межклассовых противоречий. Это этап социализации государств, в пределах которого все западноевропейские страны можно охарактеризовать как *«государства социального партнерства и солидарности»*, выборочно и в разной мере ориентированные преимущественно на минимальную защиту в первую очередь интересов трудящихся, на регулирование отношений между «трудом» и «капиталом». В дальнейшем под влиянием многих факторов государство расширяет пространство и формы социальной защиты, спектр своих социальных обязательств, начиная со второй половины XX века и постепенно трансформируясь в социально сильное правовое *«государство всеобщего благосостояния»*, получившее множество исторических воплощений.

³ См., например, *Кочеткова Л. Н.* Социальное государство. Опыт философского исследования. М.: Либерком, 2016. 160 с. Там же (с. 4–97) содержится довольно подробный анализ современных дискуссий о социальном государстве.

Его появление знаменует собой очередной этап социализации государства, о котором несколько столетий назад могли лишь мечтать немногочисленные адепты социалистических и коммунистических учений конца XVIII — начала XIX столетия. Ведь в их время «социальный вопрос» (нищеты, безработицы, бедности с одной стороны и богатства с другой) решался государством исключительно дисциплинарными методами. Остановимся на этом подробнее.

1. Осуждение и изоляция бедности государством в «век Разума»

Когда применительно к европейской истории пишут о «веке Разума», то, как правило, имеют в виду не какое-то особое столетие (XVIII век), а так называемое Новое время — исторический период, не имеющий четких хронологических границ, далеко выходящий за пределы эпохи Просвещения промежуток времени. В экономическом аспекте «век Разума» (Новое время) хронологически совпадает с движением капитализма от доиндустриальной (мануфактурной) к индустриальной фазе развития (XVII — первая треть XIX века), а в политическом — с переходом государств Западной Европы от феодальной организации к абсолютистской форме правления, а затем — к суверенным национальным правовым государствам. Этот переход был осуществлен в череде европейских социальных революций (Нидерланды, Англия, Франция), базовой предпосылкой которых было развитие нового — капиталистического — способа производства с сопутствующим ему ростом городов, внутривосточной, региональной и межконтинентальной торговли, миграции, ростом социальной мобильности населения и появлением новых социальных групп. Помимо этого, данный переход был ознаменован революционными изменениями в сфере научной мысли и осуществлен под влиянием *европейского рационализма* — мировоззрения, под определяющим воздействием которого, в свою очередь, происходило формирование естественных наук и социальных учений Нового времени, оказавших существенное влияние на мировоззрение и мировосприятие современников.

Как известно, появление рационализма в качестве специфического феномена западноевропейской жизни в целом и политической жизни в частности было связано с развитием философии и науки в эпоху Возрождения и в Новое время, теоретически обосновавшими принцип деятельностной активности субъекта (человеческого «разума»), который позиционировал природу и общество в качестве «объекта» человеческих действий. Для политической и социальной практики того времени это открывало возможность «инженерного отношения» к

действительности, которым не преминуло воспользоваться государство в своих попытках рационализации собственного устройства.

Это выразилось в появлении феномена *камерализма* (*Kammer* по-немецки «палата», но также «кладовая») — идеологии и практики производства дискурсов в трех основных областях: организации государственных финансов, системы хозяйствования (*Oeconomie*) и упорядочивании общества (*Polizei*). Наиболее известными продуктами камералистской идеологии были экономическая доктрина меркантилизма и теория административного устройства «*gute Polizei*» — правильно управляемого государства. Уже с XVI века многочисленные ученые трактаты и публицистические памфлеты распространяли представление о том, что целью правителя является достижение общественного блага всех подданных, а средством к этому является рациональная и благотворная деятельность просвещенных (образованных) служащих, заседавших в королевских *Kammer* (членов советов, или коллегий)⁴. Эти лояльные абсолютной королевской власти чиновники, как правило, были выходцами из самых разных сословий, обладавшими единственным преимуществом перед другими — «символическим капиталом» (знаниями).

Именно они образовали «просвещенную бюрократию», получившую монополию на преобразование методов организации военной и административной «машин» и контроля за их действиями⁵. Способность концентрировать экономические и политические ресурсы посредством относительно стройной военной и административной государственной машины с ее обученной бюрократией далеко превосходила возможности

⁴ В подавляющем большинстве эти «камеры» имели характер тайных советов при королевской особе, целью которых, вопреки декларируемому «общественному благу», было изыскание все новых налогов для постоянно пустеющей королевской казны. Дополнительные налоги и сборы с населения, расширение привилегий государя и казны, нечистоплотные финансовые махинации — всем этим занимались члены королевских «камер» в абсолютистском государстве. Но «на бумаге» все эти меры посредством политического воображения о рациональном устройстве государства *подавались как элемент прогрессивного упорядочивания ради общего блага*.

⁵ Вебер М. Бюрократия (пер. А. Б. Рахманова) // Личность. Культура. Общество. 2007, Т. IX. Вып. 1(34). С. 10–27.

и эффективность других государств, включая самые мощные империи — Османскую, Монгольскую и Китайскую. Только те империи, которые переняли западную модель государства, как это частично сделала послепетровская империя Романовых, впоследствии смогли выжить, сохранить и приумножить свои территории. Хотя в XVII–XVIII веках в составе государственных элит и в системе эксплуатации крестьянства еще остались многие элементы феодализма (особенно в Восточной Европе и тем более в России), этот *новый тип бюрократического государства поощрял рост богатого буржуазного класса* и связанных с ним людей «свободных профессий» — *протоинтеллигенции*, противостоявших власти католической церкви и монархии. Возникнув в результате эрозии сословной организации общества, формально (юридически) она состояла не только из представителей «третьего сословия», но и парадоксальным образом включала в свой состав многочисленных представителей образованного дворянства и даже аристократии⁶.

Их самоидентификация и оценка внешнего мира, по мнению некоторых исследователей, базировалась на так называемых «общечеловеческих ценностях», представляющих политические, экономические, национальные и иные «рационализированные идеалы» социального бытия. Последнее всегда оценивается и анализируется не только с точки зрения «сущего», но и с позиций «должного». И поскольку разрыв между сущим и должным всегда явен и не устраним, перманентным состоянием «интеллигентского сознания» является критика существующего и выработка политических, экономических, национальных и других программ и проектов общественного переустройства. Можно сказать, что в эпохи позднего феодализма и раннего Нового времени *протоинтеллигенция персонифицирует собой критико-рефлексивный потенциал общества, его функциональную и критическую рациональность*, во многом обусловившую и предопределившую пути дальнейшего экономического и социально-политического развития западноевропейских стран⁷. *Поэтому, когда монархия лишилась реальной власти*

⁶ Вольтер, Монтескье, Кондильяк, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Ламетри, Руссо и десятки других дворянских имен составили цвет Просвещения.

⁷ Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Интеллигенция как фактор национализма // Журналист. Социальные коммуникации. 2016. № 1–2. С. 3–21.

или была смещена, именно этот слой унаследовал традиции и концепции накопленного веками искусства рационального управления государством, а также государственную машину для осуществления политики камерализма в своих интересах.

Как демонстрируют современные исследования, «камерализм (*Kameralwissenschaft*) представлял собой колоссальных масштабов риторический механизм, основным результатом которого было не точное экономическое или социальное знание и не инновационные практические советы производственного и административного характера, а создание и продвижение самого представления о государстве как едином рационально устроенном механизме, обслуживаемом лояльными и квалифицированными чиновниками. Абстрактная идея «государства» внедрялась в умы подданных и правителей, формировалось представление о чиновнике как служащем этому государству — не из вассального подчинения сюзерену, и не ради корыстного злоупотребления должностью («кормления»), а с целью внести вклад в общественное благо»⁸. Путь к которому осмысливался как движение от сословного к политическому обществу («нации») и в категориях частной выгоды и универсальной законности.

Специфика и горизонты этого осмысления определялись не только изменениями социальной структуры западноевропейских обществ, но и трансформацией мировоззрения, характерной чертой которого стали антропоцентризм и механицизм. В его пределах Вселенная и Природа интерпретируются как подчиненные естественным законам⁹ — законам механики, и образ мира как механизма становится доминирующим в мировоззренческих ориентациях человека Нового времени вплоть до начала второй половины XIX столетия. Именно тогда в работах фон Штейна впервые формулируется идея (концепт) «социального государства» как института, обязующего самого себя решать проблемы социального, прежде всего экономического, неравенства законными средствами. Но почему эта идея не появилась раньше, в XVII–XVIII веках? Тогда

⁸ Глебов С., Могильнер М., Семенов А. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Ч. I // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 328–329.

⁹ После сотворения мира Бог не вмешивается в полагание событий.

становление капитализма в западноевропейских странах не только не поднимало уровень и качество жизни подавляющего большинства населения, но, наоборот, сопровождалось ростом нищеты и массовой безработицы по всей Европе. Развернутый ответ на эти вопросы требует эмпирического подтверждения. А потому обратимся к историческим фактам. Вот лишь несколько из многих примеров.

Уже в конце XVI века, эпохи постоянного расширения английского могущества, английская королева Елизавета после триумфального путешествия по своим владениям с удивлением и разочарованием воскликнула: «Повсюду нищие!» Ибо на смену коллективному владению землей свободными английскими йоменами пришла (за счет огораживания общинной земли лендлордами, где раньше каждый мог пасти скот и добывать торф) частная собственность на землю, ставшая для английских крестьян настоящей трагедией. Лишенные права использовать некогда общую землю, они больше не могли зарабатывать на прокорм семьи «фермерством». Стать фабричными рабочими им пока также было не суждено — фабрик тогда еще не было. В результате эти люди сформировали самый несчастный и угнетенный из всех классов — аграрный пролетариат, а в тех местностях, где рабочих мест в сельском хозяйстве не доставало, они становились бродягами, попрошайками и ворами.

Потрясенные повсеместным распространением нищеты Елизавета и английский парламент приняли законодательные меры: в 1601 году был принят закон о бедных. Он был рассчитан на оседлых бедняков, временно лишившихся работы: предполагалось, что страх бедности заставит людей работать. Однако это не решило проблему пауперизма: количество профессиональных бедных и бродяг не уменьшилось. Поэтому в 1607 году в каждом графстве был создан исправительный дом, но это лишь локализовало проблему. Хотя церковным приходам было вменено в обязанность выплачивать беднякам скудные пособия, а в отношении бродяг предписывалось применять телесные наказания и клеймения, это не помогало. Тогда бедных было предписано «отправлять в изгнание и препровождать под конвоем во вновь открытые земли в Восточной и Западной Индиях». Но и при Кромвеле, отмечает

Хайлбронер, проблема все еще не решена: лорд-мэр сетует на «весь тот сброд, что стекается в город, нарушает общественный порядок, осаждает кареты и громогласно требует подаяния у церковных врат и у дверей частных домов»¹⁰.

И то же самое происходит в Германии, Нидерландах, Франции. Так, парижские нищие подлежат публичной порке на площади; затем им выжигают клеймо на плече, обривают голову и изгоняют из города. А чтобы они не вернулись назад, ординанс 1607 года предписывает «размещать у городских ворот отряды лучников, чтобы они не пускали в город голытьбу». И везде, как показал Мишель Фуко, церковь и камералистское государство используют *дисциплинарные методы власти* — «изоляцию» бедности. По всей Западной Европе создаются «госпитали» и «работные дома», в которых насильно помещают душевнобольных, бродяг, бездомных и нищих, заставляя их работать по строго регламентированным планам¹¹. Это было связано со многими обстоятельствами, прежде всего, с сопровождавшими капитализм с самого рождения периодическими экономическими кризисами, выбрасывавшими на улицу тысячи людей, и сотрясавшими Европу XVI–XVII столетий религиозными войнами. Свою роль сыграла и так называемая «протестантская этика», в пределах которой произошла реинтерпретация милосердия: если в католицизме призрение нищих — «людей Божьих» — богоугодно, то протестантизм видит милосердие в предоставлении возможности обучиться ремеслу и работать. Уже со времен Лютера и Кальвина бедность и нищета несли на себе печать вечного проклятия и кары. Теперь же, отмечает Фуко, «в мире государственного милосердия», нищета «превратится в попустительство человека к самому себе, в прегрешение, нарушающее размеренный ход государственного механизма. Из сферы религиозного опыта, ее освящавшего, она соскальзывает в область моральных категорий, где подлежит осуждению. В конечной точке этой эволюции и возникают крупные изоляторы и смиренные дома —

¹⁰ Подробнее см.: Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи / пер. с англ. И. Файбисовича. М.: Колибри, 2008. С. 36–38.

¹¹ Подробнее см. раздел «Великое заточение» в работе: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997. С. 63–93.

безусловно, как результат обмирщения милосердия, но и подспудно как нравственное возмездие нищете»¹². Неслучайно во многих протестантских странах с XVI века действовало жесткое законодательство против бродяг, нормы которого в ряде случаев экстраполировалось и на представителей «второго сословия» — разорившихся и праздновавшихся отпрысков дворянских родов также помещали в работные дома. Но следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, о котором мы уже упоминали: о характере мировоззрения, которое формируется в XVII–XVIII столетиях.

Его специфической чертой были, с одной стороны, убежденность в рациональном устройстве природы и общества и, соответственно, всеисильности человеческого Разума: *познаваемости мира с помощью умозрения*. «Все действительное разумно, все разумное действительно» — эта интуиция (позже концептуализированная Гегелем) стимулировала интеллектуалов к поиску рациональных моделей общественного устройства вплоть до середины XIX века. С другой стороны, бурное развитие и колоссальные успехи естественных наук в XVII–XVIII столетиях (прежде всего математики, физики и механики) провоцируют интеллектуалов и рекрутируемых из них «просвещенных бюрократов» на понимание истории человечества и социального развития как подчиненных законам естественного характера¹³, что, в частности, создавало возможность использования математического анализа в сфере изучения социальной и экономической жизни¹⁴.

Ориентированное на понимание социального развития как последовательное шествие по ступеням «общественного прогресса» под эгидой Разума, это было мировоззрение дуалистического характера, причудливо сочетающее «науку» и «метафизику» (философию). С течением времени «удельный вес»

¹² Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997. С. 75.

¹³ Так, физиократы рассматривали общество как естественное физическое явление, развитие которого происходит в соответствии с законами «естественного порядка».

¹⁴ Напомним, что методология познания классической науки была основана на сочетании эмпирических методов и математического анализа. Разрабатываются также и используются в единстве индуктивный и дедуктивный методы познания, применяется моделирование изучаемых явлений.

этого сочетания в практике государственного управления менялся отнюдь не в пользу философии: рационализация государства, чем дальше, тем больше двигалась в сторону «сциентизации» познания и управления обществом. По крайней мере, «Трактат по политической экономии» (1615) представителя развитого меркантилизма Антуана де Мокретьяна, «Политическая арифметика» физиократа Уильяма Петти и Джона Граунта, открывших эру математической и демографической статистики, работы известного швейцарского ученого-математика Якоба Бернулли (1654–1705), предложившего использовать теорию вероятности при исследовании общественных явлений, «Философский опыт о вероятностях» знаменитого астронома Пьера Симона Лапласа (1749–1827), применившего теорию вероятности для определения и прогнозирования смертности и средней продолжительности жизни населения Франции, наконец, «социальная физика» Огюста Конта свидетельствуют именно об этой тенденции.

В соответствии с принципом разграничения и противопоставления субъекта и объекта научного познания, развивавшегося в XVII веке в сложной диалектике программ эмпиризма и рационализма в классической науке, внешняя государству социальная действительность также мыслилась как «объект», который в принципе может быть изучен, просчитан и пересобран подобно механизму. Этому, в частности, способствовало появление первых версий «политической экономии», акцентировавшей внимание на ведущей роли государства в экономической жизни европейских стран, и «политической арифметики». Дальнейшее развитие последней (в трудах Галлея, Кинга, Давенантата, Шорта, Эйлера) положило начало переходу от простого описания общественных явлений к наблюдению их порядка и последовательности, а также к сбору преимущественно количественной информации.

Но были и попытки теоретических обобщений посредством разного рода «таблиц». Наиболее известна знаменитая Экономическая таблица Франсуа Кенэ, последователи которого получили название «физиократов»¹⁵. Последние использовали

¹⁵ Вопреки расхожему мнению о том, что богатство осязаемо, поскольку составляется из золота и серебра, Кенэ, будучи придворным врачом,

составленные числовые и табличные выражения социальных, прежде всего экономических явлений для прогнозирования возможных последствий общественного развития и предвидения еще неизвестных общественных фактов. Так что уже в XVIII столетии под влиянием «политической арифметики» и «политической экономии» *пересборка «социального» производилась камералистским государством рациональным образом*: путем классификации, категоризации и систематизации населения, подобным систематизациям и классификациям минералов и живых существ в минералогии и биологии. «Ботанические сады и зоопарки, — отмечает Сокулер, — превращались в материальные пространственные классификации живых существ. Наблюдение, контроль и регулирование обращения денег и товаров осуществлялись с помощью построения экономических таблиц. Военный лагерь становился таблицей видов и родов вооруженных сил, находящихся в этом лагере. Пространство госпиталя отражало систематическую классификацию болезней. Таблицы и размещения были средствами и наблюдения-контроля, и изучения. Таблицы в XVIII веке были одновременно техникой власти и процедурой познания»¹⁶.

Этот феномен Мишель Фуко в своих работах называл и «волей к знанию» (в первом томе своей «Истории сексуальности») и «властью — знанием». Но так или иначе *повсеместное и расширяющееся использование научного знания* сначала абсолютистским, а затем и правовым демократическим *государством для решения своих целей и задач* создавало зоны изоляции и дисциплинарные пространства, постепенно охватывающие многие социальные институты: армию, школу, медицинские учреждения, мануфактуры и работные дома, куда напомним, попадали самые разные люди. Строго говоря, эта

настаивал: богатство создается в процессе производства и течет по экономике, словно приводящая общественный организм в движение кровь, текущая от одной руки к другой. На современников «таблица» произвела сильное впечатление: ее расценили как изобретение одного ранга с письмом и деньгами. Она ставила во главу угла принцип *laissez-faire* и одним этим радикально отличалась от всех остальных теорий. Но она упускала из виду тот факт, что труд производил богатство везде, а не только на земле.

¹⁶ Сокулер З. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени // Фуко Мишель. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997. С. 15.

практика противоречила теориям естественного права и общественного договора, на основе которых формировалось западноевропейское правовое государство. И вот почему.

Концепция естественного права стала складываться в XVII веке и сразу же получила широкое распространение. Ее идейные истоки восходят к трудам мыслителей начала XVII столетия, особенно к их попыткам построить политико-правовую теорию на исследовании природы и страстей человека. Теория естественного права основана на признании всех людей равными (от природы) и наделенными (природой же) естественными страстями, стремлениями, разумом. Законы природы определяют предписания естественного права, которому должно соответствовать *положительное* (позитивное, волеустановленное, публичное) *право*. Антифеодальный характер теории естественного права состоял уже в том, что все люди признавались равными, и это (естественное равенство людей) было возведено в обязательный принцип положительного, т. е. действующего, права.

Первым крупным теоретиком школы естественного права был нидерландский ученый Гуго Гроций (1583–1645). Согласно Гроцию, некогда существовало «естественное состояние», когда не было ни государства, ни частной собственности. Развитие человечества, утрата им первоначальной простоты, стремление людей к общению, их способность руководствоваться разумом побудили их заключить *договор о создании государства*. Государство Гроций определял как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы». Признаком государства является верховная власть, к атрибутам которой Гроций, подобно Бодену, относил издание законов (в области как религиозной, так и светской), правосудие, назначение должностных лиц и руководство их деятельностью, взимание налогов, вопросы войны и мира, заключение международных договоров.

Имея мало общего с реальной историей, теория договорного происхождения государства вместе с тем резко противостояла концепциям «богоустановленности» власти. «Первоначально люди объединились в государство не по божественному повелению, — писал Гроций, — но добровольно, убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных

семейств против насилия, откуда ведет свое происхождение гражданская власть». Разумеется, идея договорного возникновения государства высказывалась в истории политико-правовой мысли задолго до Гроция; в практике Средних веков договоры между феодалами, между феодалами и городами были формой, источником права, в том числе и публичного права. «Но только у Гроция договор о создании государства рассматривается как исходное понятие теории государства, как основа самого государства, длящихся отношений власти и подчинения. Начиная с Гроция почти все теоретические построения XVII–XVIII веков (эволюционировавшие от концепции абсолютистского государства Т. Гоббса к теориям суверенного правого демократического государства, разработанным в трудах Б. Спинозы, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Руссо, а также представителей утопического социализма), объясняющие сущность, причины, способы создания государства, исходили из этой посылки»¹⁷.

Однако практика, как всегда, не соответствовала теории. Получалось, что из состава «естественных» прав исключалось право человека на свободу передвижения («бродяжничество»), право на труд или его отсутствие, право на «бедность». Поскольку даже гражданские права (право избирать и быть избранным) в XVIII веке и много позже были социально, гендерно и имущественно ограниченными, выходило, что основанный на человеческом разуме «общественный договор» не распространялся на всех жителей правового государства. Если уподобить последнее обладающему разумом и рассудком кантовскому субъекту, то указанные ограничения были бы подобны «априорным формам созерцания», которые делали возможной категоризирующую население («рассудочную») деятельность государства по дисциплинарной обработке и трансформации социальной действительности в «разумное» состояние. И поскольку вызванные развитием капитализма «бедность», «бродяжничество», «безработица», «преступность» и иные девиантные, с точки зрения морали тех лет, формы поведения, несмотря на меры государственного воздействия,

¹⁷ Подробнее см.: Гранин Ю. Д. Эволюция науки и ее философские осмысления. М.: Медиаиндустрия. 2017. С. 83–117.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru